

Глава 483: Переговоры

Артур Лейвин

Город Эверберн казался крошечным на фоне раскинувшихся предгорий, которые неуклонно поднимались к подножию горы Геолус. Хотя я больше не видел маленький сад, из которого мы только что вышли, я всё ещё ощущал ману Тессии среди тысяч более мощных аур. "Будь осторожен, Артур," повторила Сильвия, пока я летел рядом с Кезессом.

Сам Кезесс молчал. Я уже сталкивался с его молчаливым обращением и показал, что не собираюсь просто сидеть и ждать его внимания, как один из его слуг. Он мог держать Виндсома в ожидании часами или даже днями, если другой асура его разозлит, но я не был его слугой, членом его клана или даже асурой. Я не был ему ничем обязан.

С частично активированным "Королевским Гамбитом" я мог лучше обдумать возможные результаты нашего разговора. Я не мог предвидеть будущее, но мог читать мелкие движения его тела — тики лица и сигнатуру маны — и использовать все, что знал о Кезессе, как из наших предыдущих взаимодействий, так и из того, что узнал в ключ камне, одновременно и с большей скоростью, чем мог бы иначе.

Тем не менее, это магическое усиление моих когнитивных способностей только подчеркивало, насколько опасна была моя текущая ситуация. Моя семья, Тессия и Сильвия находились во власти Кезесса, и вполне в его характере использовать их в качестве рычага против меня. Я передал ему его величайшего врага и угрозу на серебряном блюде; ему даже не пришлось поднимать палец, чтобы забрать тело Агроны. Самое опасное, однако, заключалось в том, что я теперь знал. Цикл манипуляций и геноцида, который драконы совершали против моего мира, продолжался с тех пор, как асуры покинули его, и, учитывая его долгую жизнь, было весьма вероятно, что Кезесс сам был ответственен за разрушение не одной цивилизации.

— Как продвигается работа с Агроной? — спросил я, чтобы нарушить его каменное молчание.

Он взглянул на меня искоса, его выражение было задумчивым. Он обдумывал, стоит ли вообще отвечать. В конце концов, после паузы, он все-таки решил ответить:

— Он всё ещё молчит. — Была короткая пауза, и я подумал, что он снова перейдёт к тихому обращению, но затем он спросил: — Что ты с ним сделал, Артур? Мне нужны конкретные детали. Это кажется...неестественным.

Я обдумал произошедшее и насколько я мог безопасно поделиться этим с Кезессом. Или даже хотел ли я делиться этим. К счастью, "Королевский Гамбит" помог мне подавить собственный гнев и действовать логично.

— Майре уже рассказала то, что я ей сказал?

— Да, — ответил он, приподняв бровь при моём непринуждённом использовании её имени. За его спокойной маской скрывалась более глубокая эмоция, закопанная глубоко в его глазах и видимая лишь по их легкому расширению.

Страх.

Я отметил эту эмоцию, не задумываясь об этом слишком глубоко. Времени для анализа этого разговора позже будет достаточно. Сейчас я сосредоточился на контроле своих мыслей и языка тела.

— Боюсь, я не могу описать это лучше, чем тогда. Возможно, "Путь Прозрения" поможет нам обоим понять это.

Глаза Кезесса сузились, чуть заметно подёргиваясь. Он не ожидал, что я так быстро и охотно предложу пройти "Путь". Мы летели над широким полем с высокими стеблями, напоминающими кукурузу, с золотыми бутонами на их вершинах. Он несколько секунд наблюдал за работой фермеров, прежде чем ответить:

— Уверен, ты узнал много нового в этом последнем камне, чем можешь поделиться. Я чувствую, с каким рвением твой эфир готов исполнить твою волю.

Я понял, что это была тонкая отсылка к тому, как я отменил его попытку телепортировать нас обратно в замок ранее. Он проявлял сдержанность, но я не думал, что это связано с той искрой страха, которую я видел. Скорее всего, он хотел, чтобы я чувствовал себя комфортно и уверенно, чтобы я не сдерживался на "Пути Прозрения".

Одна из ветвей моих мыслей определила, что он также мог ощущать "Королевский Гамбит". Виндсом и Хайрон уже рассказывали ему о способностях этой божественной руны, но они видели её только в полном действии. Знание Кезесса о том, что у меня есть такой инструмент, было одной вещью, но я не сомневался, что он воспримет это как акт враждебности, если я буду открыто использовать его против него.

— Да, — признал я, видя мало пользы в отрицании своего прогресса. — Уверен, я смогу поделиться достаточно знаниями, чтобы занять тебя исследованиями на долгое время.

Что я не сказал, конечно, так это то, что я знал: контроль драконов над эфиром со временем постепенно ослабевал. В последнем ключевом камне я узнал, что эфир на самом деле был очищенной магической сущностью жизни и даже сохранял некое подобие знаний и целей. Драконы обрезают так много жизней, что эфирная сфера теперь была переполнена остатками людей, которые ненавидели драконов, и поэтому драконам становилось все труднее направлять эфир.

Поскольку мое ядро очищало эфир, оно создавало связь между энергией и мной, которую драконы не могли повторить, поэтому я не знал, насколько полезными окажутся мои выводы для Кезесса.

Надеюсь, что не слишком, подумал я с враждебностью.

Замок Индрата возвышался перед нами. Мы прошли через некий невидимый пузырь, который волной пробежал по моей коже, как теплая вода. В нем ощущалась явная враждебность, как будто десятки голодных глаз смотрели на меня в темноте, но это неприятное ощущение мгновенно исчезло. Кезесс повел нас высоко в знакомую башню.

Сводчатые окна открывались во все стороны: одни показывали только крутые крыши замка, другие — предгорья и далекие поля владений Кезесса. Странно, но мне показалось, что я смог разглядеть Долгосожженные земли* вдалеке, хотя раньше я никогда не замечал их из башни.

*Точно не уверен но думаю речь о сражении Алдира и драконов при котором было сожжено поле

Изношенное кольцо на каменном полу казалось еще глубже, чем прежде, но логически я понимал, что это обман моего восприятия.

— Покажи мне, — сказал он просто, указывая на Путь.

Я задумчиво посмотрел на выветренный камень, размышляя о божественной руне Королевского Гамбита. Оставив ее активной на Пути Прозрения, я мог бы увеличить свою способность контролировать свои мысли и справляться с магией Пути, которая вытягивала прозрения прямо из моего разума. Однако был риск раскрыть больше о Королевском Гамбите, чем я хотел, или даже позволить своим разветвленным мыслям перенести идеи в Путь, которых я не желал. Тот факт, что руна расширяла мое сознание и позволяла думать о нескольких вещах одновременно, мог оказаться как благословением, так и проклятием, в зависимости от того, как функционировал сам Путь Прозрения. К сожалению, я знал о нем недостаточно, чтобы принять взвешенное решение.

Мне нужно каждое преимущество, наконец решил я, оставив руну частично активированной, когда вступил на Путь. Мои ноги двигались сами по себе, а разветвления моего разума плотно зажалась, как стальные капканы, вокруг воспоминаний о моем времени в четвертом ключевом камне.

Сначала я прошел через сам ключевой камень, одной нитью мысли сосредоточившись на его механике, другой — воспроизводя воспоминания о том, как я их распутывал. Не было версии этих событий, которую я мог бы сплести, не раскрывая аспект Судьбы, поэтому я обратился к этим воспоминаниям, к нашим разговорам. Я внимательно сосредоточился на настойчивости Судьбы, что эфирная сфера была неестественной и должна быть разрушена. С этими нитями я осторожно рассказал ему историю, маневрируя вокруг того, что Судьба раскрыла о драконах, и не раскрывая моего согласия с Судьбой.

Но чем больше я пытался удерживать, маневрировать или затемнять, тем больше я чувствовал внешнюю силу, тянущую мои мысли в разные стороны. Внезапно я стал думать о ключевых камнях и испытаниях, которые были необходимы для их получения. Я отрезал эту нить, но другая рассматривала сложный ключ, необходимый только для того, чтобы войти в четвертый ключевой камень. Я быстро обрезал эту мысль, сосредоточившись на замешательстве Судьбы по поводу кристалла памяти, который я носил в своем рунном хранилище измерений, что привело к быстрому обнаружению его попытки обмана. Эта мысль превратилась в мои воспоминания о самой Судьбе, которая распространилась по всем ветвям моего сознания, улучшенного Королевским Гамбитом, и на мгновение я боролся, чтобы контролировать столько мыслей одновременно.

Склоняясь к этой силе, я следовал за Судьбой до конца, переживая моменты после моего освобождения из ключевого камня, когда Судьба стояла позади меня после моего возвращения в пещеру Сильвии, где я обнаружил, что мое карманное измерение разрушено, а поддерживающий бассейн теперь вмурован в пол пещеры. Сила тянула меня назад, ища другую память или цепочку мыслей, на которых я еще не сосредоточился. Я обрезал ветви, требующие наибольших усилий и контроля, и сосредоточил оставшиеся на Агроне, требуя жизни Сильви, на Нико, уже близком к смерти, и на Сесилии, отказывающейся подчиниться.

Альтернативные ветви мыслей нахлынули быстрее, и я изо всех сил пытался их отражать. Вместо того чтобы думать о событиях и о том, как я оказался в их центре, я позволил силе направлять каждую ветвь мыслей к самому аспекту Судьбы. Вместо разговоров, переданных знаний, охоты сквозь все эти будущие линии времени в поисках решения проблемы эфира, на первый план вышли последние моменты. Нити моих запутанных мыслей переплелись в грубую фигуру человека, так же как нити Судьбы формировали саму Судьбу. И в свете этого фокуса стало ясно, как аспект Судьбы направлял меня, передвигаясь через меня, словно я был марионеткой на веревках.

— Довольно, — подумал я, пытаюсь вернуть контроль над своими ногами. Я споткнулся и почти упал, когда мое тело сопротивлялось мне, ноги жаждали продолжать бесконечную петлю, пока сила Пути вытягивала из меня прозрения. Стиснув зубы, я преодолел это неестественное желание, и мои шаги остановились. Я стоял, тяжело дыша, рядом с изношенным каменным кольцом.

Кезесс не смотрел на меня. Его взгляд был устремлен в пустоту, словно он видел что-то в отдалении, чего я не мог увидеть. Медленно, как будто только что проснувшись, он огляделся, не видя ничего вокруг. Наконец, в его золотых глазах мелькнула искра жизни и понимания, и его брови нахмурились, словно опускающиеся клинки, когда он посмотрел на меня — в меня.

Башня вокруг нас начала рушиться. Я потянулся к эфиру, но, застигнутый врасплох, не смог сдержать напор силы Кезесса. За пределами башни весь замок рушился в камни, песок и пыль. Небо потемнело, и черные облака рассекали красные молнии. Мы стояли на краю, на грубом круге темного камня, который выступал из пустынной черной скалы над морем бурлящей магмы. Жар и удушающий запах обжигали мое горло, когда я сделал глубокий вдох.

Я пошатнулся, вынужденный сменить положение, чтобы устоять. Мои пятки скользнули, и я понял, что едва стою на краю грубой сферы.

Меня не сила Кезесса удерживала замерзшим, а горечь и разочарование его необузданного гнева, когда он сказал:

— Ты не должен знать то, что знаешь, Артур Лейвин. Живым ты представляешь слишком большую опасность. Агрона думал, что сможет изучить природу твоего ядра даже после твоей смерти. Возможно, я смогу сделать то же самое. Есть ли у тебя послание для моей внучки перед смертью?

Мой разум закружился. "Не должен знать, что знаю? Но что это значит..."

Все переплетенные мысли и воспоминания о моем времени на Пути Прозрения нахлынули разом, и я понял свою ошибку.

— Она тоже знает, — сказал я, голос охрип от обжигающего воздуха и удушающего дыма. — Ты собираешься убить свою кровь, чтобы сохранить свой секрет? Хотя Кезесс застал меня врасплох, я снова начинал находить опору. Эфир здесь был в хаотичном движении, но мой оставался неизменным.

Он покачал головой.

— Когда ты прошел так далеко, чтобы защитить свой народ, ты сделаешь все, чтобы обеспечить эту защиту. — Его рука медленно двинулась вперед.

Эфир высвободился из моего ядра, прошел через мои каналы и наполнил божественные руны Королевского Гамбита и Сердце мира. Мое зрение изменилось, позволив увидеть отдельные частицы маны, которые я ощущал в атмосфере. Дикая красная вихри огненной маны клубились на ветру, поднимаемом реками расплавленной породы, сталкиваясь с густым атмосферным эфиром и создавая ощущение хаоса, которое я заметил раньше.

Стена чистой маны ударила в меня. Сияющий аметистовый свет вспыхнул на грубой платформе в ответ. Разделение эфира и маны в атмосфере, две силы, давящие друг на друга, стало еще более отчетливым, когда фиолетовые частицы оттолкнули белые и красные.

Вместо того чтобы быть сброшенным с платформы, я поднялся в воздух. Эфир дрожал, но заклинание Кезесса разрушилось об меня.

Вместо удивления я увидел в сузившихся глазах Кезесса холодный расчет. Его рука опустилась. Расплавленная порода далеко внизу шипела, трещала и бурлила, громко для моих гипернаточенных чувств.

— Я не собирался тебе показывать, что я узнал, — сказал я, голосом, острым как нож. — Я недооценил свою способность противостоять эффектам Пути Прозрения, контролируя свои переплетенные и пересекающиеся мысли. Все же, возможно, лучше, что между нами нет лжи. Аспект Судьбы показал мне, что драконы сделали с этим миром, но ты знаешь только половину истории.

Его глаза потемнели до грозового фиолетового. Несмотря на внешнюю непринужденность, каждую мышцу его тела переполняла манна, готовая к действию. Я видел, как она скручивалась внутри дракона, готовая вырваться и преобразить его плоть.

— Никто, кто узнал то, что узнал ты, и угрожал использовать это против меня, не остался в живых. Никто, кроме Мордейна, которого предали твои мысли. Я видел твоё путешествие к Ключевому камню и его роль в этом. Все эти столетия он не только выживал, но и продолжал работать против меня.

При его словах я почувствовал горечь в горле. Хуже, чем просто раскрытие того, что я знал о действиях драконов, было выдача Мордейна и его народа. Это стало неприятным результатом моего пребывания на Пути Прозрения. Но я должен был решить проблему между Мордейном и Кезессом позже, отложив её на задворки своего разума.

— Когда-то твои предки были настолько искусны в эфирной магии, что создали новый мир, измерение в измерении, чтобы укрыть твой народ от мира, который не мог вас поддерживать. Но сейчас вы едва ли можете заставить эфир подчиниться вашим желаниям. Мне интересно, Кезесс, знаешь ли ты, что изменилось?

Его глаза блеснули. Уголки его рта напряглись. Едва заметное движение ног и побелевшие костяшки пальцев выдавали его напряжение. Слова, которые он хотел сказать, застряли за сжатыми зубами, а язык пробежал по ним, чтобы проглотить слова.

— Когда поддержание баланса стало необходимым, произошло некоторое снижение эфирной магии драконов.

Я снова опустился на платформу. Камень под кожаными подошвами моих ботинок был горячим.

— Ты знаешь, что не сможешь отменить то, что уже сделано, просто вырвав мое ядро, даже если сможешь это сделать. Моё ядро не предоставит тебе моего понимания не только эфирной магии, но и способности поглощать и очищать эфир. Связывать его с собой. А также моей способности свободно передвигаться по Реликтомбам, где покоится целая цивилизация знаний. Я забрал и использовал ключевые камни джиннов, я встретился с самой Судьбой. Только у меня есть то, что тебе нужно, и только пока я жив и готов сотрудничать, ты можешь получить к этому доступ. Именно поэтому этот маленький трюк никогда не был направлен на то, чтобы убить меня.

В глазах Кезесса блеснула задумчивость, и я увидел в них отражение светящейся короны.

— Что заставляет тебя думать, что я не готов пойти на эту жертву?

— Огонь, жаждущий гореть в твоей груди.

Кезесс слегка покачал головой.

— Ты невероятно самонадеян, дитя.

Другая часть моих мыслей зацепилась за деталь. Хотя Кезесс очень осторожно скрывал свои эмоции, было кое-что, что показалось мне необычным. Кезесс показывал свой гнев, потому что мои знания о многократных геноцидах просочились в Путь Прозрения. Но не было никаких признаков удивления самими событиями. Он знал обо всех этих геноцидах, начиная с самого начала.

— Думаю, нам стоит отложить твою прогулку и продолжить её в другой раз, когда мы оба сможем осмыслить этот разговор, — сказал Кезесс.

Я посмотрел вниз и обнаружил, что стою в кольце, изношенном в полу башни. За окном я видел голубое небо, белые облака и далёкие холмы. Но запах серы всё ещё витал в воздухе, а жара продолжала подниматься к моим ступням. Я вспомнил, что говорил ранее о способностях драконов к эфирной магии, и задумался. Кезесс всё ещё имел от меня некоторые секреты.

Ослабив влияние Сердце мира и Королевского Гамбита, достаточно, чтобы рассеять светящуюся корону, но оставив несколько ветвей мыслей активными, я сошёл с Пути.

— Думаю, нам нужно пересмотреть условия нашего соглашения. Ты обещал защищать мой народ, но мне нужна уверенность, что это соглашение распространяется не только на Агрону и алакрийцев, но и на твоих собственных людей.

Кезесс фыркнул, редкое проявление его эмоций.

— Ты хочешь пересмотреть соглашение после того, как я уже выполнил свою часть сделки?

Я подошёл к окну, выходящему на Эверберн, который я всё ещё мог различить вдали. Я наклонился к окну, положив руки на подоконник.

— Учитывая, что я прошу и почему, не вижу причин, по которым ты мог бы отказать.

Моей спиной к Кезессу, я закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться на своих других чувствах. Моя способность гиперфокусироваться была намного меньше без полной активации Королевского Гамбита, но мои эфирные чувства оставались острыми, и у меня всё ещё было несколько ветвей сознания, работающих параллельно.

Кезесс сгибал пальцы. Его пульс бился нерегулярно. Его дыхание было натужным, слишком контролируемым. Он облизал губы перед тем, как заговорить.

— Ты даже не знаешь, что просишь, Артур.

— Тогда просвети меня, — сказал я прямо.

Мои мысли лихорадочно перебирали наши предыдущие разговоры, но даже с божественной руной его рассуждения о равновесии и его опасения отправлять больше асур — сильных асур — в мой мир всё ещё не полностью укладывались в голове.

— На сегодня всё, — сказал Кезесс безэмоционально, оставаясь неподвижным, словно статуя.
— Я подумаю над твоим предложением. Теперь скажи, ты предпочитаешь вернуться в Эверберн на крыльях или мне телепортировать нас?

Я повернулся, опёрся спиной о подоконник и скрестил руки на груди.

— Этот разговор уже достаточно затянулся. Не буду мешать тебе телепортировать меня.

Едва заметное движение брови было единственным признаком его раздражения. Он не стал тратить время на слова — пространство свернулось, и башня исчезла, а мы оказались в гостиной нашего поместья в Эверберне. Спустя мгновение моя сестра, сидевшая на стуле, подняла глаза и вскрикнула от неожиданности. Бу напрягся рядом с ней, издав низкое рычание и опрокинув изящный латунный столик.

Моя мать влетела в комнату, мана уже собиралась вокруг её руки, но она замерла, увидев Кезесса. Её взгляд метнулся ко мне, затем вернулся к Кезессу, и она почтительно склонила голову. Элли, быстро оправившись, вскочила и сделала то же самое. Занавеска в комнате Тессии отодвинулась, но Тессия замерла на пороге. Я отошёл от Кезесса и встал рядом с Элли, положив руку ей на плечо, молча предлагая свою поддержку. Тессии я подмигнул, давая понять, что всё в порядке.

— Ах, лорд Индрат, — дрожащий голос донёсся из кухни, которая примыкала к центральной комнате.

Лорд Экклея стоял там у кухонного столика, выглядя совершенно неуместно. Как и прежде, я отметил его бледную, морщинистую кожу, гребни, тянущиеся вдоль висков, и молочно-белую пленку, покрывающую глаза. Его лицо ещё сильнее сморщилось, когда он улыбнулся нам. Он не стал кланяться.

Рядом с ним Майра сделала уважительный реверанс своему мужу.

— Удачный момент. Лорд Экклйя и я как раз обсуждали интересное предложение от остальных Великих Восьмерых.

Майра, с молодым, прекрасным обликом, идеально соответствующим её мужу, вышла из кухни и величественно подошла к Кезессу. Их глаза встретились, оба яркого оттенка лаванды, и между ними пронеслось что-то, чего я не мог понять. Я предположил, что у них была некая телепатическая связь, как у меня с моими спутниками.

Думая о Сильвии и Реджисе, я заметил, как занавеска, ведущая на улицу, отодвинулась, и Сильвия держала её, чтобы Реджис мог войти первым. Он обошёл Кезесса стороной и встал рядом со мной. Сильвия сама подошла к стене и прислонилась к ней, оставаясь на расстоянии.

Кезесс повернулся к ней, ожидая.

Он ждёт, чтобы ты формально признала его, подумал я.

— Я знаю, — ответила она мысленно, с ноткой раздражения. — Но я не должна ему верности. Дикатен — мой дом, а не Эфеотус.

Я сдержал улыбку, пока Кезесс продолжал молча ждать.

Лорд Экклея, или Верун, как он попросил меня его называть, издал хриплый кашель.

— Артур Лейвин и лорд Индрат, именно с вами я хотел поговорить. Настоящий удачный момент.

Кезесс повернулся спиной к Сильвии, которая осталась невозмутимой.

— Возможно, это стоит обсудить в более официальной обстановке, лорд Экклея...

— Потому что остальные уже обсуждали, и мы пришли к решению, что мы, — Верун облокотился на стойку, разделяющую гостиную и кухню, ухмыляясь своим манерным способом, который, я знал, должен был быть проекцией, — хотим официально заявить, что Артур Лейвин представляет не только человеческие интересы в Эфеотусе, но что он сам эволюционировал и теперь является первым представителем совершенно новой ветви асур!

Глаза Веруна блеснули, когда он смотрел на каждого присутствующего в комнате. Единственным звуком был тихий вздох и шелест занавески в комнате Тессии, когда она вышла из поля зрения.

— Мы хотим официально подать петицию, чтобы эта новая асурская раса была признана, и чтобы клан Лейвин стал её основателем. — На его морщинистых губах появилась счастливая улыбка. — Конечно, новая раса потребует назначения нового лорда или леди и добавления нового места в Великой Восьмерке. Или, скорее, Девятке! — Старый асура усмехнулся.

В центре комнаты, огненный взгляд Кезесса оставался прикованным к лорду расы левиафанов, старательно избегая моего. Рядом с ним Майра смотрела на меня с яростным, суровым выражением.

— Мы станем королевскими особами? — одновременно спросили Реджис и Элли, Реджис громко, а Элли тихо.

— Сомневаюсь, что всё будет так просто, — ответила Сильвия.

<http://tl.rulate.ru/book/114117/4537874>